

4. «Новое мышление» и поворот во внешней политике

Особенно значительные изменения в стране произошли в области внешней политики. Они сопровождались последовательной и всеобъемлющей критикой прежних подходов. «Критический анализ прошлого показал, — можно прочесть в тезисах, принятых XIX партийной конференцией, — что и на нашу внешнюю политику наложили отпечаток догматизм, субъективистский подход. Было допущено ее отставание от фундаментальных изменений в мире, не в полной мере реализовывались новые возможности для снижения напряженности и большего взаимопонимания между народами. Добиваясь военно-стратегического паритета, в прошлом не всегда исполь-

зовали возможности обеспечить безопасность государства политическими средствами и в результате дали втянуть себя в гонку вооружений, что не могло не сказаться на социально-экономическом развитии страны и на ее международном положении».

Этот крутой поворот (согласно М.Татю, «речь здесь идет уже о фундаментальном пересмотре концепций, определявших лицо советской внешней политики») получил обстоятельное «теоретическое» обоснование, названное «новым мышлением», усилиями идеологов перестройки и самого Горбачева в его вышедшей в 1987 г. книге «Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира».

Журнал «Коммунист» в № 7 за 1988 г. опубликовал тезисы для обсуждения, озаглавленные «Социальный прогресс в современном мире», суть которых состояла в следующем. Три «мира» человеческой цивилизации — капиталистический, социалистический и третий мир — сегодня находятся в глубокой взаимозависимости. Они принадлежат единому миру, в котором уже невозможно достичь превосходства военными средствами. В равной мере изжила себя и практика оценки международных событий исключительно через призму конфронтации между Востоком и Западом. Идеология должна подчиниться реальным условиям, в которых существует* мировое сообщество. В решении специфических проблем, связанных с противостоянием отдельных стран и регионов, следует исходить из глобальных тенденций и зависимостей. Перед лицом новых задач демаркационная линия между силами прогресса и силами реакции больше не совпадает, в широком смысле, с границами, исторически сложившимися между странами и блоками и даже между классами и партиями.

Эти малоубедительные импровизации («решительная ревизия марксистской теории империализма», по Э.Манделю) не могли скрыть двойную, прямо связанную с перестройкой экономики цель, поставленную перед внешней политикой.

В первую очередь речь шла о сокращении расходов на гонку вооружений, ставших непосильными для Советского Союза. Вторая цель «мирного сосуществования» нового типа состояла в получении от Запада солидных кредитов, особенно важных для обеспечения продолжения импорта зерна (около 40 млн. т зерна в 1988 г. и 60 млн. т — в следующем), и в то же время массированных поставок современной техники и технологии.

Обновление советской внешней политики предполагало прежде всего уход со своего поста всесильного (и непоколебимого) министра иностранных дел Громыко, в течение нескольких десятилетий возглавлявшего международную политику Советского Союза. Он был назначен на почетный пост председателя Президиума Верховного Совета СССР, на котором пробыл до 1989 г. Пост министра иностранных дел занял приближенный к М.Горбачеву Э.Шеварднадзе, член Политбюро с 1985 г., бывший первый секретарь ЦК Компартии Грузии, сделавший успешную карьеру в условиях кавказской политической жизни и уже этим подготовленный к дипломатической работе. Уход А.Громыко повлек за собой массовое обновление руководства Министерства иностранных дел: было заменено десять из двенадцати заместителей министра; с 1988 г. вторым лицом во внешней политике стал А.Яковлев, ведавший международными вопросами в ЦК КПСС.

Теоретики-идеологи уступили место более склонным к прагматизму «экспертам» из различных академических институтов, таких, как Институт США и Канады (руководимый другим влиятельным советником М.Горбачева Г.Арбатовым) и Институт мировой экономики и международных отношений.

Однако не кто иной, как сам Горбачев, в течение всех этих лет выступал в роли главного инициатора и «патрона» нового политического курса. За несколько лет он завоевал огромный личный авторитет на международной арене, как на встречах «в верхах» с руководителями иностранных государств, так и во время пресс-конференций, которые позволили ему проявить свой несомненный талант общения и способности представлять новый облик Советского Союза.

Вместе со своими соратниками Горбачев определил три основных направления деятельности: смягчение напряженности между Востоком и Западом посредством переговоров с Соединенными Штатами о разоружении; урегулирование региональных конфликтов (начиная с Афганистана); признание существующего миропорядка и расширение экономических связей со всеми государствами, не отдавая более предпо-

чтения государствам марксистско-ленинской ориентации (к тому же весьма немногочисленным).

После ряда встреч «в верхах» между Горбачевым и Рейганом (Женева, ноябрь 1985 г., Рейкьявик, октябрь 1986 г., Вашингтон, декабрь 1987 г.) советская и американская стороны подписали 8 декабря 1987 г. соглашение об уничтожении ядерных ракет средней и меньшей дальности, положив, таким образом, конец периоду конфронтации. Советская сторона взяла на себя обязательство демонтировать и уничтожить в течение трех лет 1752 ракеты, американская — 869. Это соглашение было дополнено шестью месяцами позже установлением детальной системы взаимного контроля. Впервые было достигнуто соглашение, предусматривавшее реальный процесс разоружения, а не только ограничение будущего вооружения, как это было в случае договора ОСВ в 70-е гг.

Новое руководство пошло также на прекращение советской интервенции в Афганистане. Эта война на чужой земле, стоившая СССР более 13 тыс. убитых и 37 тыс. раненых, была, если судить хотя бы по реакции молодежи, призванной из Латвии (фильм Поднякса «Легко ли быть молодым?»), столь же непопулярна в СССР, как война во Вьетнаме для американцев. Процесс урегулирования и вывода войск проходил в несколько этапов: в мае 1986 г. ушел в отставку Б.Кармаль, афганский коммунистический лидер, который «обратился за помощью» к Советскому Союзу в декабре 1979 г.; в феврале 1988 г. Горбачев объявил о выводе войск, который начался 15 мая 1988 г. и был закончен девятью месяцами позже.

Вывод советских войск из Афганистана сделал возможным возобновление диалога между СССР и Китаем, для которого прекращение советского военного вмешательства было одним из трех условий нормализации отношений со своим соседом. Два других условия касались сокращения численности советских войск на границе между СССР и КНР и ухода поддерживаемых Советским Союзом вьетнамцев из Камбоджи.

В речи, произнесенной 28 июля 1986 г. во Владивостоке, Горбачев выразил желание существенно улучшить отношения, особенно экономические, между Советским Союзом и Китаем, подтвердив, что препятствия нормализации этих отношений (Афганистан и пограничный вопрос) скоро будут устранены. Советско-китайское сближение было подкреплено визитом Горбачева в Пекин в мае 1989 г. Как подлинный «символ демократии», Генеральный секретарь ЦК КПСС был соответственно встречен оппозицией, которая именно в тот момент демонстрировала свою враждебность режиму, захватив площадь Тяньаньмынь. Сдержанная реакция Советского Союза на последовавшие через несколько дней после визита Горбачева репрессии ясно показала, что советские руководители не собираются во имя прав человека замораживать процесс нормализации советско-китайских отношений.

Советское руководство перешло к политике умиротворения в районах «региональных конфликтов» — как в Южной Африке, так и в Персидском заливе, в Юго-Восточной Азии и в Центральной Америке советская тактика придерживалась миротворческой политики. В 1989 г. серьезные перемены произошли в социально-политической и территориальной ситуации в Европе, впервые преобразив ее послевоенное лицо. Не может быть сомнений, что широкое освободительное движение не развернулось бы с такой силой и с такой глубиной, если бы импульс к переменам не исходил из Москвы. Согласие, данное советским правительством в июле 1990 г. на объединение Германии, как и его позиция в отношении кризиса в Персидском заливе стали бесспорными свидетельствами его действительно нового подхода к международным реалиям.

К осени 1990 г. уже было очевидно, что после пяти с половиной лет перестройки Советский Союз вошел в новую стадию своей истории и с точки зрения внутренней политики, и в развитии отношений со всем миром. Произошла подлинная революция умов, сделавшая невозможным возврат к прежнему состоянию. Тем не менее — и это было грозной опасностью для будущего предпринятого Горбачевым и его командой эксперимента по модернизации страны — не была решена ни одна из трех вставших после 1985 г. ключевых проблем:

— проблема политического плюрализма, органической составной части всякого процесса демократизации;

— проблема создания рыночной экономики. Конечно, 20 июля 1990 г. основные положения принятой российским правительством программы, окрещенной «Мандат доверия на 500 дней» и предусматривавшей приватизацию государственной собственности и освобождение цен, были обнародованы в прессе. Этот «план Ельцина» был представлен как программа, альтернативная более осторожному плану, который готовил для всего Советского Союза председатель СМ СССР Рыжков. «План Ельцина» должен был реализовываться в четыре этапа: в первые сто дней были бы гарантированы права собственности на землю и средства производства, за это время были бы оценены производственные возможности, золотой запас, стоимость недвижимости и размеры долга. На последнем этапе должно было быть отменено централизованное ценообразование, сопровождавшееся бы в первое время сильным падением производства и закрытием многочисленных низкорентабельных предприятий. Как бы то ни было, эта программа оказалась мертворожденной;

— проблема федеративного договора. 24 июля 1990 г. прессе был представлен первоначальный проект нового союзного договора, который предполагалось осенью представить на обсуждение полномочным делегациям республик. Тесно связанный с переходом к рыночной экономике, новый федеративный договор должен был расширить права республик, прежде всего заменив существовавшие центральные структуры и вертикальные связи прямыми отношениями горизонтального типа между республиками без посредничества центра. Но и здесь событиям было суждено опередить законодателей.